

Если это испытание, то не стоит пытаться избежать его. Возможно, если смириться, то удастся избежать лишних трудностей и страданий. Так думал Е Тао, или, скорее, так утешал себя, и в итоге смирился. Он не ожидал, что Чжоу Цзыцянь проявит искренность. Тот, кто может разделить своё сердце и чувства, наверняка обладает холодным и твёрдым сердцем, поэтому Е Тао не хотел его сердца. В то же время он не боялся, что Чжоу Цзыцянь будет относиться к нему хуже. Когда его дурное отношение сотрёт то хорошее, что есть в мыслях Е Тао о нём, тот сможет окончательно отстраниться.

Не ожидая, он не будет разочарован. Е Тао думал, что у него уже нет места для разочарования, но, когда Чжоу Цзыцянь прижал его к кровати, он всё равно почувствовал лёгкую грусть. Возможно, источник этой эмоции был не в нём, а в человеке, который так тесно с ним переплёлся. Лицо Чжоу Цзыцяня, слегка покрасневшее от вина, теперь было окрашено страстью, и в его движениях чувствовалась агрессия, но почему-то казалось, что он тоже грустит.

Но о чём же грустить? Разве он не получил то, что хотел? Что ещё ему нужно? Эти вопросы, на которые было легко ответить, лишь мелькнули в голове Е Тао. Он не хотел углубляться в них, да и времени на это не было.

Тело, впервые познавшее близость, было очень чувствительным, как изысканная цитра, которая издаёт прекрасные звуки при лёгком прикосновении. Чжоу Цзыцянь был очарован, но прекрасные вещи часто хрупки, поэтому он не решался быть слишком грубым. В терпеливых и нежных ласках наслаждение нарастало слой за слоем. Е Тао не позволял себе громко стонать, не из-за стеснения, а потому что подсознательно помнил, что это не его тело. Настоящий владелец тела находился за дверью, возможно, мучительно размышляя, как справиться с этой сложной ситуацией.

После этого Чжоу Цзыцянь отнёс Е Тао в ванную. Тот был настолько уставшим, что даже не хотел открывать глаза. Чжоу Цзыцянь позволил ему опереться на себя, нежно и тщательно выполняя более интимные, чем сам акт, процедуры. Е Тао был слишком измотан, чтобы чувствовать неловкость, и просто позволил ему всё сделать.

Когда его снова положили в кровать, Е Тао уже почти засыпал. В полусне он почувствовал, как кто-то поцеловал его плечо, и услышал, как тот прошептал что-то, но не разобрал слов и уснул. Он не знал, что Чжоу Цзыцянь провёл всю ночь, обнимая его, и даже во сне не отпускал.

Погода становилась всё теплее, и на гранатовом дереве во дворе появились красные бутоны. Лотосы в пруду тоже словно проснулись, их листья разворачивались один за другим, радуя глаз своей свежей зеленью.

Баобао, повиснув на ветке, некоторое время считал бутоны, но, в конце концов, ему стало скучно, и он переключил своё внимание на пруд с лотосами. Когда Бай Вэй пришёл поваляться с ним, он сидел на краю пруда, пытаясь поймать золотых рыбок. Эти рыбки, которых кормил его дядя Е Тао, были такими же круглыми, как маленькие слитки, но при этом невероятно проворными. Баобао долго пытался поймать одну из них, но, когда ему это наконец удалось, рыбка выскользнула из его лап и снова упала в воду, брызнув ему в нос.

Бай Вэй, сидя у пруда, несколько раз позвал его, но Баобао не обращал внимания. Тогда он тоже запрыгнул на край пруда и осторожно толкнул брата носом:

— Мяу.

Баобао посмотрел на своего родного брата, а затем поднял одну лапу. Бай Вэй, не понимая, что

происходит, наклонил голову, подумал и тоже поднял лапу. Братья стояли на краю пруда, как кошки-маниэки, один большой и чёрный, другой маленький и белый, выглядя очаровательно. Но эта милая сцена длилась всего мгновение, прежде чем чёрный котёнок столкнул белого в воду.

Бай Вэй, в отличие от Баобао, с детства боялся воды. Даже во время купания его приходилось уговаривать лакомствами. Теперь, неожиданно оказавшись в пруду, он был в полной панике, отчаянно барахтаясь и крича, голос его дрожал.

Двое мужчин, игравшие в шахматы в доме, услышали крики Бай Вэй и вышли посмотреть, что случилось. Баобао уже убежал, а Бай Вэй, весь мокрый, пытался выбраться из пруда. Сцена выглядела так, будто он хотел поймать рыбу, но случайно упал в воду.

Е Тао вытащил Бай Вэй и отнёс его в дом. Чжоу Цзыцянь понял, что игра в шахматы закончена, и последовал за Е Тао в ванную, чтобы помочь ему помыть кота.

Бай Вэй не понимал, почему его столкнули в воду, но Е Тао знал. Он видел, как братья изображали кошек-маниэки, и знал, что Баобао столкнул Бай Вэй не из злобы, а чтобы помешать игре в шахматы.

Связь Е Тао и Чжоу Цзыцяня была тайной, и только Баобао знал всю правду. Сначала ему было трудно принять это, и он даже избегал их, как будто сам сделал что-то неправильное. Е Тао хотел поговорить с ним, но ему было стыдно открывать рот. Он занимал тело чужого ребёнка, чтобы возиться с его дядей, и это было настолько неприятно, что даже ребёнок стыдился за них. Как он мог притворяться другом и наставником?

Баобао долго не мог смириться с ситуацией, а после возвращения домой ему стало ещё проще избегать их. Днём он редко появлялся во внутреннем дворе, а ночью спал в маленьком дворике мастера Хоу, предпочитая жить в кошачьем доме с братьями и сёстрами, чем сталкиваться с дядей Е Тао и Чжоу Цзыцянем. Так продолжалось почти месяц, пока мама Хэй Доу, которая долго отсутствовала, не вернулась. Неизвестно, стала ли Хэй Доу, проживший много лет, более мудрой и смогла ли помочь Баобао разобраться в своих чувствах, или причина была в чём-то другом, но после её возвращения отношение Баобао изменилось.

В последнее время он словно стал маленьким проказником. Как только Чжоу Цзыцянь и Е Тао оказывались вместе, он находил способ устроить шум и помешать им. За последние две недели чайный сервиз в гостиной уже дважды заменяли, а красиво оформленные горшки с растениями то и дело падали, каждый раз теряя часть своей красоты.

Три дня назад произошёл самый громкий инцидент. Баобао разбил одну из шестигранных ваз в комнате Чжоу Цзыцяня. В тот момент Чжоу Цзыцянь только начал соблазнять Е Тао, как вдруг из соседней комнаты раздался звук разбивающегося стекла. Чжоу Цзыцянь пошёл проверить, что случилось, но виновник уже сбежал, оставив только осколки на полу.

Вещь стоимостью в сотни тысяч юаней была уничтожена. Разве Чжоу Цзыцянь мог просто махнуть рукой и сказать: «Ничего, я богатый дурак, пусть разбивает»? Это было бы слишком глупо.

К счастью, дом семьи Чжоу был большим, и Баобао легко мог спрятаться. Кроме того, Е Тао всячески защищал его, с серьёзным лицом, всё ещё покрасневшим от возбуждения, он улаживал конфликт с Чжоу Цзыцянем. После этого Е Тао отшлёпал маленького расточителя на глазах у Чжоу Цзыцяня и на два дня посадил его в клетку, чтобы немного успокоить ситуацию.

— Дай мне, — сказал Чжоу Цзыцянь, беря фен, чтобы высушить Бай Вэй.

Он действительно не понимал, что привлекательного в этих озорных животных, но Е Тао любил их, и он вынужден был смириться.

Е Тао переоделся в сухую одежду и вышел во двор, где за ширмой нашёл Баобао, выглядывающего из-за угла. Он поднял маленького чёрного котика, погладил его по спине и сказал:

— Не обижай Бай Вэй, ты не сможешь его победить.

«Если не можешь победить — беги, если не можешь бежать — терпи. Всё равно тебе уже всё равно».

Баобао пробурчал что-то в ответ, но крепко прижимался к Е Тао. На самом деле он никогда не злился на него, просто ему было тяжело. Чем больше он смотрел на Чжоу Цзыцяня, тем больше тот напоминал ему Чжоу Юньяна. Независимо от того, как заботливо и нежно Чжоу Цзыцянь относился к Е Тао, Баобао чувствовал, что у него дурные намерения, и поэтому всегда пытался причинить ему неудобства.

Чжоу Цзыцянь, закончив сушить Бай Вэй, тщательно вымыл руки и вышел из ванной. Е Тао в это время убирал шахматную доску. Такой спокойный и сдержанный человек, обычно немногословный, не пытался никого специально радовать, но для Чжоу Цзыцяня он обладал странной притягательностью. Достаточно было обнять его, и пустота в сердце заполнялась, а накопившаяся злость утихала. Подобно дракону, получившему драгоценный камень, он временно убирал свои когти и зубы, не желая причинять вред.

Нет «мяса», не хочу его писать. Такое «мясо» не будет ни вкусным, ни сладким, и, если его приготовить, вряд ли кто-то станет есть.

<http://bllate.org/book/17687/1650272>